

Артур Шопенгауэр

От ночи бессознательности пробудившись к жизни, воля видит себя индивидуумом в каком-то бесконечном и безграничном мире, среди бесчисленных индивидуумов, которые все к чему-то стремятся, страдают, блуждают; и как бы испуганная тяжелым сновидением, спешит она назад к прежней бессознательности. Но пока она не вернется к ней, ее желания беспредельны, ее притязания неисчерпаемы, и каждое удовлетворенное желание рождает новое. Нет в мире такого удовлетворения, которое могло бы утишить ее порывы, положить конец ее вожделениям и заполнить бездонную пропасть ее сердца.

Наша жизнь подобна платежу, который весь подсчитан из медных копеек и который надо все-таки погасить: эти копейки – дни, это погашение – смерть. Ибо в конце концов время – это оценка, которую делает природа всем своим существам: оно обращает их в ничто. Так старость и смерть являются осуждающим приговором над волей к жизни: выносит этот приговор сама природа, и гласит он, что эта воля – стремление, которому во веки веков не суждено осуществиться. Три высших блага жизни – здоровье, молодость и свобода, не сознаются нами, как таковые, пока мы их имеем: мы начинаем сознавать их лишь тогда, когда потеряем их, они осознаются как отрицания.

Два средства употребляют против этого: во-первых, осторожность, т.е. ум, предусмотрительность, лукавство, – но оно ничему не научает, ничего не достигает и терпит неудачу; во-вторых, стоическое равнодушие, которое думает обезоружить всякую невзгоду тем, что готово принять их все и презирает все. Истина же такова: мы должны быть несчастны, и мы несчастны.

Фридрих Ницше

Как жадно подступает эта волна, словно рассчитывая достичь чего-либо! С какой страшасей проворностью вползает она в сокровенные уголки скалистых ущелий! Кажется, она хочет кого-то опередить; кажется, что там запрятано нечто, имеющее большую цену! И вот она возвращается, чуть медленнее, все еще совсем белая от волнения, – разочарована ли она? Нашла ли она то, что искала? Но уже надвигается другая волна, более ненасытная и дикая, чем первая. Так живут волны – так живем мы, волящие!

Ты никогда не будешь больше молиться, не будешь больше поклоняться, никогда не успокоишься в бесконечном доверии. Ты запретишь себе останавливаться перед последней мудростью, последней благостью, последней силою и распрягать свои мысли. У тебя нет вечно бодрствующего стража и друга для твоих одиночеств. Нет больше разума в том, что свершается, ни любви в том, что свершится с тобой, сердцу твоему закрыто уже пристанище, где ему было бы что находить. Ты сопротивляешься какому-то последнему миру, ты хочешь вечного круговорота войны и мира. Человек отречения, от всего ли ты хочешь отречься? Кто же даст тебе силу для этого? Никто еще не имел этой силы!

Есть озеро, которое однажды запретило себе изливаться и воздвигло плотину там, где оно прежде изливалось: с тех пор это озеро поднимается все выше и выше. Наверное, именно это отречение и дает нам силу, с которой можно будет вынести и само отречение. Наверное, человек начинает подниматься все выше и выше оттуда, где он перестает изливаться в Бога.

Альбер Камю

Абсурд для меня единственная данность. Проблема в том, как выйти из него, а также в том, выводится ли с необходимостью из абсурда самоубийство. Проводя до конца абсурдную логику, я должен признать, что эта борьба предполагает полное отсутствие надежды (что не имеет ничего общего с отчаянием), неизменный отказ (его не нужно путать с отречением) и осознанную неудовлетворенность (которую не стоит уподоблять юношескому беспокойству).

Одной из немногих последовательных философских позиций является бунт, непрерывная конфронтация человека с таящимся в нем мраком. Бунт есть требование прозрачности, в одно мгновение он ставит весь мир под вопрос. Подобно тому, как опасность дает человеку незаменимый случай постичь самого себя, метафизический бунт предоставляет сознанию все поле опыта. Бунт есть постоянная данность человека самому себе. Это не устремление, ведь бунт лишен надежды. Бунт есть уверенность в подавляющей силе судьбы, но без смирения, обычно ее сопровождающего.

Этот бунт придает жизни цену. Становясь равным по длительности всему существованию, бунт восстанавливает его величие. Для человека без шор нет зрелища прекраснее, чем борьба интеллекта с превосходящей его реальностью. Есть нечто неповторимо могущественное в дисциплине, которую продиктовал себе ум, в крепко выкованной воле, в этом противостоянии. Всеобъясняющие доктрины ослабляют меня. Они снимают с меня груз моей собственной жизни; но я должен нести его в полном одиночестве.

Николай Бердяев

Свобода и творчество говорят о том, что человек не только природное существо, но и сверхприродное. А это значит, что человек не только физическое существо, но и не только психическое существо в природном смысле слова. Человек – свободный, сверхприродный дух, микрокосм. Свобода есть положительная творческая мощь, ничем не обосновываемая и не обуславливаемая, льющаяся из бездонного источника. Свобода есть мощь творить из ничего, мощь духа творить не из природного мира, а из себя. Человеку присуща свободная энергия, т.е. творческая энергия. В самом человеке есть бездонно глубокие родники. Творческая энергия есть энергия прирастающая, а не перераспределяющаяся. Тайна свободы отрицает всякую замкнутость и всякие границы.

Скованность и порабощенность мировой иерархии существ подчиняет человека низшим, омертвевшим ступеням бытия, принуждает человека своим материальным отяжелением. Эта скованность, это отяжеление низших иерархий закрывает от нас творческую тайну бытия. Мир представляется нам в аспекте необходимости, омертвевшей и окаменевшей материальности. А возможно ли творчество для необходимости, из необходимости? Нет, в царстве необходимости возможна лишь эволюция, т.е. перераспределение данной энергии. Лишь свобода творит абсолютную прибыль в мире, лишь свободный творит. Творческую тайну бытия нельзя воспринять пассивно, в атмосфере послушания отяжелевшей материальности мира. Ее можно познать лишь активно, в атмосфере самого творческого акта. Познать творческую активность лица – значит быть творчески активным лицом. Познать свободу лица – значит быть свободным лицом.

Ральф Эмерсон

Человек – это поток, источник которого скрыт. Наше существо спускается в нас оттуда, откуда мы не знаем. Самое точное исчисление не сможет предсказать то бессчетное, что случается в каждый следующий момент. Я вынужден каждый момент признавать, что существует более высокое происхождение стремлений, которые я называю «своими».

Как со стремлениями, так и с мыслями. Когда я наблюдаю, что плавная река из истоков, которых я не вижу, льет в меня свои потоки, я осознаю, что я – получатель, приемник. Я – не причина, а удивленный зритель этого эфирного потока; то, что я могу желать и искать, к чему я могу быть восприимчивым, открывается мне в свете некой иной, чем моя, энергии.

Этот фонтан в человеке – не отдельный орган, но то, что оживляет и упражняет все органы; не функция, как сила памяти, вычисления или сравнения, но то, что использует эти функции, как мы используем свои руки и ноги; не способность, но свет; не интеллект или воля, но хозяин интеллекта и воли; фон нашего бытия, в котором они находятся, – необъятность, которой нельзя овладеть. Внутри или позади нас сияет чистый свет, проникая через нас на вещи, и дает нам знать, что мы сами – ничто, но этот свет – всё.